

Юрий Резник г. Краснодар

Праздник

К великому удивлению моей жены, я снова забыл, что Первое сентября – праздник – новый учебный год и День знаний. Это событие меня бы не касалось, если бы моя жена не была педагогом дошкольного образования. А так – живи и помни! Ещё со вечера она попросила помочь в организации праздничного мероприятия, а когда жена чего-то просит, то лучше ей не отказывать.

Всё бы ничего, да только в этом году Первое сентября выпало на субботу, и значит, о собственных планах на выходной день мне предстояло забыть.

Утро не развеяло моего плохого настроения. Ещё не успело подняться над многоэтажными домами солнце и лишь кое-где, удлинняя тени, пробивались его длинные узкие лучи, а я уже ехал в детский сад. Без особого энтузиазма надувал разноцветные шарики, растягивал гирлянды радужных флажков, а позже, когда начался праздник, работал за фотографа.

Детской радости не было предела. Восторженные и счастливые, – они растопили моё сердце. Дети даны нам как напоминание о потерянном рае. С них начинается мир. И как можно не любить детей?! Вновь

прибывшие и «свои» – уже знакомые, но подросшие и повзрослевшие за время летних каникул, – они водили хороводы, рассказывали стихи, плясали и пели: много ли надо ребёнку для счастья? Праздник отражался на их лицах.

Честно говоря, я даже не заметил, как пролетело время. Всё было ново, всё занимало меня и веселило, точно я вновь родился. Детский праздник подошёл к концу, и родители разобрали детей и увели домой. В зале стало тихо и пусто. И тогда воспитатели недолго думая решили устроить чаепитие. Накрыли стол, но не хватало торта, и мне пришлось ехать в магазин.

Там, на Шелепихе, кондитерский отдел оказался небогатым. Я долго не мог сделать какой-либо выбор, пока мне не приглянулся торт, как назло, без ценника и названия.

– Скажите, пожалуйста, – обратился я к хозяйке отдела, совсем ещё молодой, но уже довольно полной, безвкусно накрашенной девушке, – это что за торт.

– Какой именно? – поднимая на меня отсутствующие, ничего не выражающие глаза, спросила она.

– Ну, этот, который не подписан, – и я через стекло витрины ткнул пальцем.

– Этот сто́ит двести восемьдесят рублей...

И всё! Я ждал напрасно – за сухой, отрывистой фразой ничего не последовало, и к сказанному она больше не прибавила ни слова.

Тогда я решил сформулировать свой вопрос более конкретно:

– Скажите, пожалуйста, как он называется.

– Он называется «Ас-стож́инка», – неподдельно удивлённая моим любопытством, выдавила из себя барышня и колыхнула ядрами груди, так, что по её белому халату пошли молнии.

Разговор был явно исчерпан, и я обречённо произнёс:

– Беру.

Из пирамидки девушка взяла крышку от коробки и ленточкой крест-накрест перевязала мою покупку.

– С вас двести восемьдесят рублей.

Я протянул деньги, взамен получил коробку и, ожидая пока мне отсчитают сдачу, на крышке прочёл: «Изюминка».

– Девушка, вы сказали, что торт называется «Остоженка», а здесь написано «Изюминка»...

– Мало ли, что там написано! Видите сколько у меня коробок? Вы думаете, я буду искать крышку именно с вашего торта?! – она глядела на меня с ехидно-глуповатым выражением на лице и не понимала, что от неё требуется.

Мне хотелось сказать что-то ещё. Но я передумал. Просто вежливо поблагодарил и поспешил к праздничному столу.

Торт оказался вкусным. Все с удовольствием кушали и нахваливали. Поинтересовались названием, и я ответил. Но жена, тем временем изучая крышку, улучила меня в неточности. Я невольно улыбнулся, вспомнив, что произошло в магазине, и начал объяснять. Они сидели, внимательно слушали мой рассказ, как вдруг откуда-то раздался полный ужаса пронзительный вопль – долгий и протяжный – мороз пробежал по коже, и все вздрогнули. Казалось, он вырвался из глоток несчастных животных, которых кто-то с размаху шмякнул об стенку. Потом послышался резкий шум и какая-то возня.

Две или три сотрудницы подскочили со своих мест и как ошпаренные бросились за дверь. Прочитав в моих глазах немой вопрос, сидящая рядом воспитательница поспешила разъяснить:

– Двери открыты, кошки могли залезть и слопать наших попугаев, – сказала она испуганно, будто о чём-то очень страшном и уже случившемся.

«Великолепно... – подумалось мне. – Продолжается, ширится праздник!» Вместо того чтобы переживать, я восхитился. Воображение моё разыгралось, и я воочию представил, как мы тут лакомимся тортом, а там кошки – заморскими птичками! Опомившись, я устыдился этих мыслей. К тому же ничего не произошло. Вернулись воспитатели и довольно сообщили, что попугаи сидят в своих клетках – целые и не-

вредимые, и выходит – кошки остались без праздника...

По дороге домой мы заехали в музей Мещанского района, что в самом начале Проспекта Мира. Здесь открывалась выставка моего коллеги Алексея Бражникова. Похоже, мой приятель был оптимистом, коль решил выставляться в таком глухом, Богом забытом месте. А то, что в этот музей уже давно «заросла народная тропа», было видно невооружённым глазом. Но Алексей не унывал и не обращал на это обстоятельство ни малейшего внимания. Он был оживлён и приветлив, и только тускло блестели его глаза, воспалённые от бессонных ночей.

В трёх-четырёх комнатах небольшого старинного особняка в обеденное время (а было 14:00) пахло домашней пищей – это сотрудницы музея, по возрасту, кажется, его сверстницы, на электроплитах разогревали принесённые обеды. Древняя пыльная люстра бросала душный свет, погружая всё в тихий и глубокий сон. Казалось, будто сама вечность застыла в этих комнатах: ни движения, ни звука. Лишь изредка затарахтит из коморки посуда или сухо зазвенит от входной двери буддийский колокольчик, за тысячу километров попавший сюда оповещать о приходе нового посетителя. Сегодня вернисаж, и сегодня идут в гости к художнику. Это для них он в сумке на плече притащил пару бутылок водки, колу и несколько пакетов с соком.

Боясь нарушить принятый порядок, все стараются ступать как можно тише, словно прислушиваясь к тишине и к своим шагам. Послеобеденное солнце зашло в раму окна и осветило уголок стола, на котором я уже давно приметил двух мух, потиравших задние ножки и оглаживавших крылышки. И казалось, всё невероятно тихо, будто нет никакой жизни, ни Москвы, ни сутолоки, а есть только эта комната, этот стол, луч солнца и сегодняшний день, так похожий на многие другие.

Когда открывалась дверь, вместе с воздухом в дом врывались звуки города, а когда дверь закрывалась, они тут же стихали. Смотрительницы сразу приходили в дви-

жение. Как по команде, начинали ёрзать на своих стульях, улыбаться и кивать головами – будто на них брызнули живой водой.

Наверное, из-за выходного народу пришло немного – раз, два и обчёлся. По традиции для приветственного поцелуя гости подставляли Алексею то одну, то вторую щеку. У картин говорили шёпотом, поздравляли с выставкой. И хотя это не первая его выставка, Алексей страшно волновался – художники народ впечатлительный. Несомненно, выставка для художника – самое необыкновенное и, пожалуй, самое важное событие в его жизни. Для него выставка – праздник, а праздники принято отмечать. Жаль, мне нельзя спиртного – я за рулём, но я выпью колы: «Творческих успехов тебе, Алексей!»

Поскольку со многими из гостей я был не знаком, общий разговор как-то не клеился. Желая поделиться мнением, они здоровались, протягивали руки и называли себя по именам, но я тут же их забывал. Меня раздражала их способность говорить непринуждённо, по-свойски, точно мы были знакомы сто лет. Старушки, сонно зевая и глядя на нас, гадали, когда же закончится наш праздник? И я решил: с меня достаточно. Пора бы и честь знать. Прощаясь, Алексей с силой сжал мне руку и зачем-то поблагодарил.

Только на улице я вздохнул полной грудью, будто раньше мне кто-то не давал этого сделать, а жена спросила:

– Не понимаю, зачем на входе в музей повесили колокольчики? По-моему: чёрт знает что!

– Ну что ты?! Неужели не догадываешься? Ведь это так просто! Представь: сидят

себе бабушки по коморкам, чай там пьют, кушают или просто сплетничают – тишь, гладь, Божья благодать! А тут нелёгкая вдруг надумала кого-то притащить – вот колокольчик и предупреждает. И вылезают тогда бабушки из своих норок навстречу трудовым подвигам. А что, если начальство надумает наведаться?!..

От этого праздника у меня осталось ощущение чего-то смутного, незавершённого. Такого бесконечно длинного и бестолкового дня, кажется, у меня ещё никогда не было. Уже вечером дома, ощущая в душе какую-то пустоту, я заставил себя сделать что-нибудь полезное и, не придумав ничего лучшего, натянул на подрамник холст моей картины «Обманутые надежды». Он провалился в рулоне лет шесть, с тех самых пор, как я получил его обратно с выставки в Праге. Местами холст потрескался и краска обсыпалась. Я его подкрашиваю, а сам думаю: стала картина частью истории, побывала за границами, попутешествовала и возвратилась на родину. Потрепали её, бедолагу, дороги и время, но вернулась она в отчий дом, словно к отцу блудный сын, чтоб заботливая рука опять поставила её на мольберт, как это уже было однажды, – в первый день создания, тогда с ещё не ясными мыслями, формами и цветом, – поставила на мольберт и отреставрировала. У неё сегодня праздник – она вновь вернулась к жизни, вырвалась из рулона, возродилась заново, и у неё снова впереди неясно замаячило будущее. Засияла картина новым светом, заиграла, заговорила со мной – её создавшим, нагнала волну размышлений и воспоминаний... Усну ли я теперь или буду мучиться бессонницей?